Фролов Н.К. Проблема взаимообогащения лингвоэтнических культур в языках народов Тюменского Приобья // Язык и общество на пороге нового тысячелетия. – М., 2001.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ УКРАИНЦЕВ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Р.Л. Кирсанова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток

Приморье является территорией позднего освоения. В наши дни основную часть населения составляют русские. Однако они оказались наименее изученными в этнокультурном отношении по сравнению с другими народами региона. Единственным обобщающим исследованием в этой области до сих пор остается серия трудов профессора Дальневосточного университета А.П. Георгиевского «Русские на Дальнем Востоке», опубликованная в 1926–1929 гг. [3. С. 19].

Лишь в 1991 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН было организовано подразделение для изучения региональных групп восточных славян – русских, украинцев, белорусов. Анализ нормирования населения показал, что увеличение доли русских происходит за счет вторичной консолидации восточных славян, а также ассимиляции неславянских народов.

Согласно переписи 1989 г. из 4 431 481 чел., проживающих в Приморье, 2 256 072 чел. назвали себя русскими [1. С. 13]. Приведенные цифры отражают современное самосознание, но приходят в противоречие с историей края. Известно, что в крестьянской среде был очень высок удельный вес переселенцев-украинцев: на отдельных этапах он достигал 80%. Об этом до сих пор напоминают не только официальные документы и рассказы старожилов, но и распространенные фамилии, например, Иващенко, Коваленко, Панченко и пр. К этому следует добавить особенности бытового просторечья и такой важный компонент исторической памяти, как фольклорное наследие.

Весьма значимыми с точки зрения современности являются исследования, рассматривающие культурное наследие как существенный адаптационный фактор в судьбах первопоселенцев.

Украинцы – один из восточнославянских народов. В настоящее время их численность составляет около 4% населения Приморского края, тогда как на отдельных этапах переселенческого движения в дореволюционный период истории края они составляли до 80% всех переселенцев [4. С. 24].

Массовые переселения украинцев в Южно-Уссурийский край (тогда так называлось Приморье) начались с 1883 г. на пароходах Добровольного флота, по маршруту: Одесса–Владивосток. В течение 1883–1885 гг. за счет государства морским путем переселилось и водворилось 754 семьи (4688 чел.) [7. С. 37]. С 1886 г. казеннокоштное переселение было прекращено и возобновлено лишь в 1895–1899 гг., когда в Южно-Уссурийский край было переселено 2331 чел. Основная же масса крестьян переселялась за свой счет как морским путем, так и сухопутьем. Основная часть переселенцев переселилась из губерний Левобережной Украины – Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской и других в конце XIX – начале XX вв.

Украинцы первоначально селились в Приханкайской низменности, а также в долинах рек Лефу, Цимухе, отчасти Майхэ и Сучан, после 1900 г. – в более северных районах: по рекам Улахэ, Даубихэ, Иману, Уссури и в южной части побережья Японского моря [4. С. 37]. Царское правительство не стремилось поселить в одном селе уроженцев одной губернии, обычно поселяли выходцев из двух-трех украинских губерний и представителей других восточнославянских народов. И все же поселения с преобладанием украинцев из какой-либо одной губернии были.

Так, уроженцы Черниговской губернии составляли большинство в селах Спасской (Буссевка, Гайворон, Духовское, Зеленовка Кронштатка, Нахимовка, Ново-Владимировка, Спасское и др.), Черниговской (Абражеевка, Вадимовка, Дмитриевка, Меркушевка, Монастырище, Черниговка), Чугуевской и других волостей [4. С. 39].

Переселенцы Киевской губернии преобладали в селах Успенской (Афанасьевка, Руновка, Степановка) и отчасти Черниговской (Снегуровка) волостей. Уроженцы из Полтавской губернии составляли большинство в селах Черниговской (Халкидон), Зеньковской (Зеньковка, Хвалынка), Успенской (Комаровка), Ханкайской (Алексеевка, Новоселище) волостей. В двух селах Спасской волости – Славинке и Татьяновки, проживали компактные группы переселенцы из Волынской губернии [4. С. 41].

Особенности переселения, социально-экономические и демографические условия края определили специфику брачного поведения приморских украинцев. Хронический дефицит женщин привел к распространению ранних браков, к ситуации, когда замуж выходили все девушки, все вдовы с детьми, даже пожилые. В начале XX в., когда вступила в действие транссибирская железнодорожная магистраль, за невестами парубки ездили даже на Украину и не только привозили оттуда молодых жен для себя, но и так называемых «заказных» невест (обычно односельчанок своих жен) для своих друзей. Для этих целей друзья давали деньги на сватовство и на проезд невесты до Дальнего Востока.

Преобладали социально-однородные браки, но дефицит женщин способствовал развитию социально-смешанной брачности: казаки брали в жены переселенок-украинок. В среде крестьян-украинцев в брак вступали между собой уроженцы разных украинских губерний, имевшие различия в говоре, быте, материальной культуре, в установках на брачные нормы, в свадебных обычаях и обрядах.

Основная масса семей – «малые» (родители и дети) со средней численностью в 6,1–6,3 чел., но встречались и большие неразделенные семьи (старики-родители с двумя-тремя женатыми сыновьями или два-три женатых брата). Характерна высокая рождаемость (10–15 детей) и высокая детская смертность [5. С. 82]. Семейный быт вплоть до 20-х годов XX в. подчинялся строгим патриархальным правилам: власть старшего мужчины; подчиненное положение женщин (особенно младших невесток); выбор брачного партнера и вступление в брак по воле родителей; деление хозяйственных работ на мужские, женские и детские.

Основное хозяйственное занятие – хлебопашество в сочетании с тягловым и мясо-молочным животноводством и птицеводством, огородничеством. Разводили также, в основном для получения шерсти, овец, но они в условиях сырого приморского климата плохо приживались. Развит был и ряд домашних и подсобных промыслов, в том числе пчеловодство. Приемам охоты, рыбалки и сборам дикоросов (таежные орехи, ягоды, грибы, травы типа «черемши» и др.) украинцы научились уже в Приморье.

В первые годы пребывания в Приморье крестьяне придерживались традиций своих губерний выхода, но в условиях проживания в одном населенном пункте представителей разных украинских губерний происходили взаимовлияния. Планировки сел были уличные, кучевые, смешанные улично-кучевые. Располагались хаты вдоль или торцом (особенно у черниговцев) к улице. Несмотря на обилие леса первоначально жилые и хозяйственные постройки стремились строить по традициям родных мест. Обычно сооружали хаты-мазанки, основу которых составляла тонкая жердевая или плетневая основа, обмазанная глиной. Если и делали сруб, то обычно из тонких и кривых бревен, не разбирая породы дерева. Некоторые делали сруб из вертикально поставленных бревен в виде частокола; иные сооружали два параллельных плетня на расстоянии одного фута друг от друга и промежуток забивали глиной, сверху все обмазывалось глиной. Такие временные хаты были непрочны, так как лес, положенный в основу строения, вырубался обычно в летнее время, т.е. был в соку, поэтому быстро гнил и разрушался. Из-за сырого климата не выдерживала долго глиняная обмазка, зимой в такой хате было очень холодно.

Основу традиционного интерьера и убранства жилища, как и у других восточнославянских народов, составляла «русская» печь, расположенная справа или слева от входа, устьем к боковому окну; по диагонали от печи – «красный угол» с иконами, непременно украшенных вышитыми рушниками. Вышитыми рушниками обильно украшались и стены жилища. Вдоль глухой стороны дома устраивали низкий деревянный настил для спанья («піл»). Интерьер дополняли стол, лавки, сундуки, разнообразная утварь.

Основа нательной одежды большинства крестьянок – поясной комплекс: домотканая рубаха с длинным рукавом и поликами (вставками) на плечах, с разрезом спереди и небольшим воротом; понева (род несшитой юбки), а впоследствие юбка («саян», «плахта»); фартук и безрукавка-корсет. Ворот, полики, основа рукава, манжеты, низ рубахи украшали вышивкой обычно красного цвета. Головные уборы женщин – платки из тонкой ткани, «очипки» (род шапочки из ситца или сатина для замужней женщины), вязаные шали. Мужская нательная одежда состояла из длинных штанов с узким шагом и рубахи с небольшим воротом-стойкой с прямым разрезом спереди. Головные уборы мужчин – плетеные из соломы летние шляпы-«брыли», картузы; зимой – шапки-ушанки, папахи, «кубанки» обычно из овчины. Верхнюю одежду – свитки, мужские пиджаки – изготавливали из домотканого (впоследствие покупного) сукна; носили также овчинные шубы. Летом ходили босиком или в лаптях из орехового лыка, самодельных ичигах или бродняx, сшитых из выделанной кожи домашних или диких животных. В холодное время года носили самодельные и покупные сапоги, валенки.

В 30–35-е годы XX в. наблюдалось несколько миграционных волн переселенцев-украинцев в сельские районы Приморского края. В 30-е годы в Приморье были устроены школы с преподаванием на украинском языке, издавались газеты, был национальный театр. Но все это просуществовало лишь несколько лет. Постепенно даже в сельской местности, где в целом национальная духовная культура сохранялась дольше, чистый украинский язык утрачивался. Он остался только у старшего поколения. Ассимилятивные процессы шли от широкого распространения смешанного русско-украинского языка к русскому. В настоящее время в сельской среде сохранились отдельные элементы материальной (интерьер жилища, пища) и духовной (некоторые календарные и семейные обряды и сопровождающий их песенный репертуар) культуры.

Большое влияние на экономическое и культурное развитие коренных народов региона оказало включение их в состав Российского государства в середине XIX века. Русские переселенцы осваивали новые земли медленно, так как почвенные и климатические условия были не совсем благоприятны для развития земледелия. Семьи переселенцев с

трудом приспосабливались к тяжелым условиям жизни и осваивали новые для них отрасли хозяйства.

Постоянные контакты с русскими крестьянами постепенно приводили к некоторым изменениям в жизни коренного населения. Появились новые занятия: извоз, огородничество, сплав леса, более интенсивным стал торговый обмен, вошло в жизнь денежное обращение. Аборигены стали заимствовать срубное жилище, русские предметы труда и быта. Члены духовной миссии крестили коренных жителей, хотя в этом регионе не было ни церквей, ни школ.

С установлением в Приморье советской власти в традиционном обществе коренных народов наступила полоса глубоких преобразований во всех сферах. Однако в 50–60-х гг. XX в. эффект от переселения на Дальний Восток был весьма незначительным. На новом месте закреплялось от силы 3–5% от числа прибывших на Дальний Восток [6. С. 47].

Тем не менее, в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе на севере этой территории, в советское время было создано наибольшее число городов и поселков на совершенно неосвоенных землях.

В целом можно сказать, что численность населения Сибири и Дальнего Востока за годы советской власти увеличилась втрое, в демографическом отношении это была наиболее активная часть РСФСР. Однако за последние 15 лет процесс пошел вспять.

---

1. Васильченко Э.А. Тенденции формирования социума на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX века). – Воронеж: Ивановский гос. ун-т, 1999. – 143 с.

2. Зольникова Н.Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях народов-переселенцев на Дальнем Востоке (XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1981. – 197 с.

3. История крестьянства Сибири и Дальнего Востока / Ред. А.П. Окладников. – М.: Наука, 1982. Т. 1. – 190 с.

4. Федотов И.А. Место украинцев в демографическом составе восточных славян. – М.: Инфра-М, 1991. – 239 с.

5. Новые материалы по истории Дальнего Востока досоветского периода / Под ред. Е.К. Ромодановской. – Новосибирск: Наука, 1986. – 286 с.

6. Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века): Историко-этнографические очерки / Отв. ред. М.Л. Бережнова. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. С. 44–48.

7. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990. – 315 с.

ББК 71я431
Э 91

Редакционная коллегия: Карабанова С.Ф., канд. ист. наук, профессор каф. сервиса и моды
Кочеткова И.С., канд. ист. наук, доцент каф. сервиса и моды

Научный редактор: Чернявская В.С., канд. психол. наук

ЭТНОСЕРВИС В МОДЕ, ДИЗАЙНЕ, ИСТОРИИ:
Э 91 Материалы Международной научно-практической конференции (22 сентября 2006 г.) – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. – 260 с.

Материалы сборника Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках этносервис-фестиваля, содержат научные статьи преподавателей и студентов, посвященные новому научному направлению и разновидности сервисной деятельности – этносервису. Первая часть содержит статьи преподавателей, 2, 3, 4 части – публикации студентов, выполненные под руководством преподавателей ВГУЭС и ученых Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН).

Работы, вошедшие в сборник, выполнены при поддержке гранта ГК №02.438.11.7047 Роснауки федерального агентства по науке и инновациям

ББК 71я431

© Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2007